Евгений Тарле

Адмирал Ушаков

Корабли штурмуют бастионы

Русская история (Алгоритм)

Евгений Тарле

Адмирал Ушаков. Корабли штурмуют бастионы

«Алисторус»

УДК 82-94:355.49
ББК 68.53(2)-8Нахимов П. С.

Тарле Е. В.

Адмирал Ушаков. Корабли штурмуют бастионы / Е. В. Тарле — «Алисторус», — (Русская история (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-170-8

Адмирал Ф. Ф. Ушаков — величайший русский флотоводец XVIII века, не потерпевший поражения ни одном сражении. Наиболее глубокое историческое исследование, посвященное непобедимому адмиралу, создал академик Е. В. Тарле (1874–1955). В своих работах автор показал роль Ф. Ф. Ушакова в средиземноморском походе флота Антифранцузской коалиции, когда русский адмирал командовал уникальными штурмами французских бастионов на Ионических островах. Шедевром военного искусства стало взятие Корфу, доказавшее правильность тактики Ушакова. Историк проводит сравнение русского флотоводца с его выдающимися союзниками и противниками — Наполеоном и адмиралом Нельсоном. Эта книга открывает нам Ушакова — выдающегося стратега и тактика морской войны. Главная книга о великом адмирале заинтересует всех, кто неравнодушен к военной истории, к великому прошлому России, к победным традициям флота, воевавшего под Андреевским флагом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94:355.49
ББК 68.53(2)-8Нахимов П. С.

ISBN 978-5-00269-170-8

© Тарле Е. В.
© Алисторус

Содержание

Предисловие 6
Освобождение Ионических островов 8
1. Перед экспедицией в Средиземное море 8
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Евгений Тарле

Евгений Тарле
Адмирал Ушаков. Корабли штурмуют бастионы

© Тарле Е. В., 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026.

Предисловие

Давно отмеченный Грибоедовым недуг части русской общественности в XVIII–XIX вв. – доходившее иногда до подобострастия преклонение перед Западом, перед иностранцами главным образом потому, что они – иностранцы, – сказался и на посмертной участи Ушакова. Только в наши дни его имя получило достойное всенародное признание.

Так же, как, например, в истории паровых двигателей забыли имя Ивана Ползунова, опередившего почти на два десятилетия Уатта, а в лучах славы Лавуазье потонуло и забылось все, что успел наметить и высказать Ломоносов за много лет до французского химика, так же, как при жизни Яблочкова даже не было сделано серьезной попытки отстоять первенство России перед Америкой в истории электрического освещения, так же как и в истории радиовещания Маркони получил сполна все то, что по праву принадлежало имени Александра Степановича Попова, – так же точно ближайшие к Ушакову поколения беспрекословно признали в искусстве ведения морских операций первенство и превосходство Нельсона над Ушаковым, даже не желая считаться с тем хронологически точным фактом, что Ушаков в своих флотоводческих приемах, в своей тактике морского боя явился новатором в полном смысле слова. Упустили из вида, что Нельсон выступил в самостоятельной роли и мог проявить свой талант лишь во второй половине девяностых годов XVIII столетия, когда уже давно успели прогреметь почти все главные морские победы Ушакова, так что никаких «Уроков» у Нельсона русский флотоводец уже никак брать не мог.

В России хоть и поздно, лишь в наше время, все же оценили Ушакова и высоко вознесли его имя. Что же касается Западной Европы и Америки, то его и теперь продолжают там почти вовсе игнорировать. [96]

Но победы Ушакова на Черном море, давшие ему почетное прозвище «морского Суворова», не входят в хронологические рамки предлагаемой работы, специально посвященной лишь последнему по времени подвигу славного адмирала – его Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг., и немногие страницы первой главы имеют целью лишь в нескольких словах напомнить о том, как создавалась репутация Ушакова среди черноморских моряков перед тем, как он вывел русские корабли на просторы Средиземного моря.

Исторический интерес, который представляет Средиземноморская экспедиция Ушакова, конечно, еще гораздо значительнее, чем интерес чисто биографический. В высшей степени важную роль сыграло это второе (после Чесмы) появление русских военно-морских сил на Средиземном море, причем действовал на этот раз уже не Балтийский, а совсем юный Черноморский флот, при самом зарождении которого принимал такое деятельное участие Ушаков. Политические последствия экспедиции были очень велики. Завоеватель Италии Бонапарт утверждал в 1797 г., что захват Ионических островов французами он расценивает выше, чем покорение всей Северной Италии. Он имел в виду громадное стратегическое значение Ионического архипелага как опорного пункта, как первоклассной средиземноморской позиции при всяком дальнейшем агрессивном предприятии, куда бы таковое ни направлялось: против Египта, против Бокка-ди-Каттаро, против Константинополя, против русских черноморских владений. Ушаков ликвидировал в 1798–1799 гг. этот захват и изгнал французов с Ионических островов. Это обстоятельство в корне изменило всю ситуацию на Средиземном море и подготовило почву для действий Сенявина в 1805–1807 гг., сыгравших в свою очередь важную роль в истории третьей европейской коалиции против Наполеона.

Основными материалами для предлагаемой характеристики военной и дипломатической деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова за время славной Ионической кампании 1798–1800 гг. являются документы Центрального государственного архива военно-морского флота в Ленинграде, Центрального государственного архива древних актов и Центрального государствен-

ного военно-исторического архива в Москве, а также Ленинградского исторического архива и Рукописного отделения Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, в большей своей части собранные и подготовляемые к печати Главным архивным управлением Министерства внутренних дел СССР совместно с Институтом истории Академии наук СССР для сборников документов «Адмирал Ушаков». [97]

Некоторая часть документов была напечатана ранее в приложении к вышедшей в 1856 г. книге Р. Скаловского «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова» и в «Материалах для истории русского флота», ч. XV и XVI, изд. Морского министра, СПб., 1895–1900 гг.

Из непосредственных документальных публикаций я использовал служебную и личную переписку адмирала Нельсона (The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson) и другие издания, на которые имеются ссылки в тексте.

Кроме всех этих источников, есть одно произведение мемуарной литературы первостепенного значения, которым я пользовался. Это «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метакса», посвященные описанию боевых «подвигов российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Ф. Ф. Ушакова Ионические острова… в 1798 и 1799 гг.»

Записки эти, впервые в полном виде изданные В. Ильинским в 1915 г., прошли тогда как-то почти незамеченными. Между тем по своему значению для истории этой экспедиции и биографии Ф. Ф. Ушакова книга Е. П. Метакса решительно незаменима. Она чуть ли не изо дня в день фиксирует события, очевидцем и деятельным участником которых был этот молодой грек, поступивший на службу в русский флот еще в 1785 г. и пользовавшийся доверием Ушакова в течение всей средиземноморской кампании. [98]

Освобождение Ионических островов

1. Перед экспедицией в Средиземное море

Подобно Суворову, Кутузову, Сенявину, Нахимову, Федор Федорович Ушаков родился в небогатой дворянской семье и вступил в жизнь без денег и без покровителей.

Когда шестнадцатилетним юношей Ушаков поступил в 1761 г. кадетом в морской корпус в Петербурге, русский флот был в упадке. Но уже готовилось его возрождение. Очень скоро после вступления на престол Екатерина II взялась энергично за дело. Для нее вопрос о флоте связывался прежде всего с вопросом борьбы за Азовское и Черное моря. Врагом на этих морях являлась Турция, располагавшая значительными морскими силами. Ослабленная на море в борьбе с Англией, Франция своего флота посылать сюда не собиралась. Дипломатические же отношения с Англией в первые полтора десятка лет царствования Екатерины были более чем удовлетворительны. Политика Вильяма Питта Старшего торжествовала еще очень долго после ухода его от непосредственного участия в правительстве. Использовать Россию в упорной борьбе против Франции – вот что являлось тогда движущей силой британской внешней политики. Могла быть (и стала в конце концов) довольно опасной Швеция, но еще не приспело время для авантюр Густава III.

Для успешной борьбы с Турцией прежде всего необходимо было подумать о создании флота на Азовском и Черном морях. Строительство этого флота на старых петровских воронежских и донских верфях было поручено вице-адмиралу Алексею Наумовичу Сенявину. Под его энергичным руководством с ранней весны 1769 г. было приступлено к созданию военно-морской базы в Таганроге, постройке на Дону первых боевых кораблей [99] и формированию для них экипажей из моряков, которые довольно крупными партиями прибывали сюда из Балтийского флота.

Адмирал Фёдор Ушаков.

В числе офицеров, командированных в распоряжение А. Н. Сенявина, прибыл на Дон и мичман Ф. Ф. Ушаков, который уже 30 июля 1769 г. был произведен в лейтенанты. Свои способности, знания и усердие к службе Ушаков вполне доказал в годы русско-турецкой войны, но развернуться его дарованиям за это время было совершенно невозможно. Как ни энергично создавался флот на Дону, однако в первые годы войны его сил едва хватало для защиты Азовского моря и его берегов от покушений турецкого флота, более сильного и располагавшего базами в Еникале, Кери, Анапе и Суджук-кале.

Все же к весне 1773 г. молодой флот, обеспечив владение Азовским морем, перенес свои действия в воды Черного моря, успешно прикрывая берега Крыма от неприятельских десантов, и, нанеся противнику ряд чувствительных ударов на море, в значительной степени облегчил положение русской армии в Крыму.

Однако в ходе борьбы А. Н. Сенявину и его соратникам приходилось считаться с недостаточностью морских сил России на Черном море и частенько, по выражению П. А. Румянцева, возмещать нехватку материальных ресурсов силой духа и «иногда отвагою награждать свою слабость»[1].

На четвертом году войны Ушаков получил в командование посыльный бот «Курьер», а затем и более крупное судно – 16-пушечный корабль «Модон». К концу войны мы видим Ушакова в Балаклаве участником обороны этой первой русской базы на побережье Крыма.

[1] Письмо гр. П. А. Румянцева гр. И. Г. Чернышеву от 21 июля 1771 г, – Материалы для истории русского флота, ч. VII. СПб., 1877, стр. 736.

В 1775 г. Ушаков был переведен в Балтийский флот.

Одним из пунктов Кучук-Кайнарджийского мира было признание Турцией права свободного плавания русских торговых судов из Черного моря в Средиземное и обратно. Основываясь на этом, Екатерина II в целях усиления флота на Черном море предприняла попытку провести в него под видом торговых судов несколько фрегатов из состава Балтийского флота. Корабли эти, нагруженные разными товарами, под торговым флагом и с убранными в трюм пушками, должны были после некоторого пребывания в Средиземном море проследовать в Константинополь в расчете, что турки пропустят этот «коммерческий» караван через проливы. Экспедиция эта была отправлена в 1776 г., и Ушакову, уже в чине капитан-лейтенанта. пришлось участвовать в ней в качестве командира фрегата «Св. Павел». Почти три года эта небольшая эскадра плавала по Средиземному морю, но в Черное море не попала, потому что Турция, недовольная Кучук-Кайнарджийским миром, под [100] влиянием прежде всего Франции уже начинала готовиться к новой войне против России и подозревала русское коварство в посылке многочисленных «торговых» судов.

С 1783 г. Ушаков служил в новых портах Черноморья: сначала в Херсоне (1783–1785 гг.), а потом (с 28 августа 1785 г.) – в Севастополе.

Эти населенные пункты громко именовались городами, хотя Херсону, когда Ушаков прибыл в этот поселок, было от роду пять лет, а Севастополю еще и того не было. В Херсоне служба была тяжелая. Ушаков много потрудился по борьбе с чумой, которая разразилась там как раз в первый же год его службы. К этому времени уже успела выявиться яркая черта Ушакова, сближающая его с позднейшими нашими замечательными флотоводцами: Лазаревым, Нахимовым, Макаровым. Мы имеем в виду заботу о матросе, о его здоровье, о гигиене на корабле, об общем благосостоянии команды, его неустанную борьбу против разворовывания казенных денег, ассигнуемых на пищу и одежду личного состава флота.

Ушаков выселил всех своих моряков далеко за город на все время, пока не утихла эпидемия. Все работы на несколько месяцев были прерваны.

Когда началась русско-турецкая война 1787–1791 гг., Ушаков еще на подчиненных ролях проявил себя талантливым боевым руководителем. Борьба предстояла нелегкая. Ведь эта война ничуть не походила на русско-турецкую войну 1768–1774 гг., которая тоже была трудна. Турки начали готовиться к реваншу тотчас же после Кучук-Кайнарджийского мира. Султан только тем успокоил свое духовенство (улемов), возбуждавшее недовольство в народе, что мир с русскими – это не мир, а лишь перемирие, передышка; и когда после нескольких лет мира Россия в 1783 г. присоединила Крым, то улемы уже совсем открыто и без препятствий со стороны властей предвещали войну с проклятыми гяурами и несомненное торжество правоверных. Усиленно строили корабли, укрепляли изо всех сил Измаил и другие крепости, набирали и обучали матросов. Да и внешняя дипломатическая обстановка складывалась для Оттоманской Порты благоприятно: к старому другу – Франции – прибавились новые друзья Полумесяца – Англия, Пруссия, Швеция, так что хотя австрийский император Иосиф II и стал на сторону Екатерины, но все-таки настроение в Константинополе было самое воинственное. А на море, где Австрия ни малейшей помощи русским оказать не могла, и подавно позволительным казалось рассчитывать на полный успех турецкого флота над еще только что созданным слабым русским флотом.

Не сразу засияла над Черным морем звезда Ушакова. Первый выход Ушакова в море в августе 1787 г. в эскадре графа [101] Марка Войновича, где он, командуя в чине бригадира кораблем «Св. Павел», был начальником авангарда, окончился неудачей. В поисках турецкого флота эскадра была застигнута у румелийских берегов страшным продолжительным штормом. Один корабль погиб, другой без мачт в полузатонувшем состоянии был занесен в Босфор и здесь захвачен турками: остальные в сильно потрепанном виде вернулись в Севастополь и требовали продолжительного ремонта. В борьбе со стихией Ушаков проявил себя смелым и зна-

ющим моряком и, занесенный к кавказским берегам, все же благополучно довел свой корабль до базы.

3 июля 1788 г. на Черном море произошла первая «генеральная баталия» между обоими флотами, где Ушаков в той же должности начальника авангарда блестяще проявил свое тактическое искусство. Встреча противников произошла у острова Фидониси. Против семнадцати линейных кораблей (в том числе пять 80-пушечных) и восьми фрегатов турецкого капудана-паши Эски-Гасана русский флот имел два линейных корабля (оба 66-пушечные) и десять фрегатов. По силе артиллерии и количеству выбрасываемого в залпе металла турки были сильнее почти в три раза.

Но после ожесточенного трехчасового боя противник во избежание совершенного поражения вынужден был отступить и скрыться в беспорядке.

Искусные действия авангарда под руководством Ушакова не дали противнику осуществить его план окружения слабейшего русского флота и использовать свое превосходство в силах. Разгадав намерения врага, Ушаков блестяще отразил нападение его авангарда, связал боем самого Эски-Гасана и тем лишил последнего возможности руководить задуманной атакой.

В стремлении приписать победу своему руководству завистливый и малоспособный Войнович в донесениях о бое затушевал роль Ушакова и подвиги его кораблей. Ушакову пришлось отстаивать себя и заслуги своих храбрых подчиненных, и происшедший на этой почве конфликт с Войновичем неизбежно должен был рано или поздно привести к устранению Ушакова с боевого поприща. Однако вмешательство Потемкина, по заслугам оценившего Ушакова и увидевшего в нем многообещающего флагмана, в корне изменило обстановку. Войнович, проявивший себя и в дальнейшем бесталанным и трусливым начальником, был сменен, а на его место весной 1790 г. был назначен Ушаков.

Не прошло и четырех месяцев, как разгром турецкого флота в Керченском проливе позволил Потемкину с удовлетворением написать своему избраннику: «отдавая полное уважение победе, одержанной вами над флотом неприятельским… приписываю оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой [102] храбрости вверенных вам сил..»[2], а полтора месяца спустя Ушаков и флот ответили новой победой под Хаджибеем.

«Знаменитая победа, одержанная черноморскими силами, под предводительством контр-адмирала Ушакова… над флотом турецким, который совершенно разбит и рассыпан с потерей главного своего адмиральского корабля… служит к особливой чести и славе флота черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие… ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота черноморского подвигов», – отмечал в приказе Потемкин[3].

Годы боевого руководства Черноморским флотом под начальством Потемкина, может быть, были счастливейшими или, во всяком случае, спокойнейшими с точки зрения личной удовлетворенности в жизни Ушакова.

Потемкин был как раз таким начальником, который, нуждаясь в активном помощнике в деле строительства флота, его подготовки и боевого руководства операциями, видел в Ушакове человека, ясно понимающего роль и значение флота в текущей войне, владевшего искусством побеждать на море и способного организатора. И Потемкин, который, нуждаясь в боевом руководителе для флота, вынужден был в течение войны последовательно избавляться от бездеятельного бюрократа Мордвинова, неспособного и трусоватого Войновича, без колебаний остановил свой выбор на Ушакове.

Вызвав к себе в Яссы Ушакова, Потемкин, хорошо разбиравшийся в людях, увидел в нем человека, которому можно доверить судьбу флота и борьбы на море. Ушаков жаждал активной

---

[2] Материалы для истории русского флота, ч. XV. СПб., 1895, стр. 316.

[3] Там же, стр. 332.

деятельности на море, он не любил берега и связанной с ним канцелярщины. Вернувшись както после трехнедельного поиска у неприятельских берегов, Ушаков выразил это в одном из служебных писем: «просил я позволения… вторично идти с флотом в поход… я только весело время проводил в походе, а возвратясь сюда, принужден опять заняться за скучные письменные дела»[4].

Потемкин понял его и освободил от этих «дел». Уведомляя Ушакова о назначении его командующим флотом, Потемкин писал: «Не обременяя вас правлением адмиралтейства, препоручаю вам начальство флота по военному употреблению»[5].

У Потемкина к Ушакову было и полное доверие, и теплое чувство, которого никогда у него не было и в помине относительно Суворова. Не любил Григорий Александрович, чтоб его очень уж затмевали и отодвигали на второй план, а оставаться на первом плане, на той самой арене, на которой развертываются блистательные подвиги легендарного героя Суворова, было мудрено. Да и характер у Александра Васильевича был вовсе не такой, чтобы при личных сношениях и служебных столкновениях стирать углы и смягчать обиды. Конечно, Потемкин знал твердо, [103] что без Суворова не обойтись, что, например, если Суворов не возьмет Измаила, то и никто этой крепости не возьмет. Это-то князь Григорий Александрович знал очень хорошо, но и сам Суворов знал это тоже вполне отчетливо и давал чувствовать… С Ушаковым было совсем другое. Потемкин никогда во флотоводцы себя не прочил, так же как Екатерина II его не прочила, и тут с каждой морской победой Ушакова росла не только слава Ушакова, но и слава Потемкина – создателя Черноморского флота, начальника, сумевшего оценить и возвысить Ушакова.

Пока был жив Потемкин, Ушаков мог твердо рассчитывать на поддержку могущественного человека, верховного и бесконтрольного главы всех вооруженных сил на юге России и на Черном море.

Военные действия на море возобновились в 1790 г. В апреле 1790 г. Потемкин вызвал адмирала Ушакова к себе в Яссы, чтобы дать ему инструкции на предстоящие летние месяцы. Положение было нелегкое для России: враги вставали со всех сторон. Можно было ждать появления англичан в проливах и дальше проливов… Уже в мае Ушаков с эскадрой начал кампанию нападением на Анатолийское побережье, где его крейсерство привело к нескольким частным успехам. Побывал он уже в самом конце мая и близ Анапы, где бомбардировал суда и крепость.

Этот поход Ушакова имел предупредительный, «превентивный» характер: бомбардировка Синопа 22 мая, сожжение нескольких турецких судов в Синопской бухте (где суждено было 18 ноября 1853 г. Нахимову нанести сокрушительный удар туркам), бомбардировка Анапы, полная, растерянность турецких военачальников, убегавших при приближении русских, – все это говорило о том, что, несмотря на количественное и материальное превосходство турецкого флота на Черном море, ему не выдержать решительной встречи с Ушаковым.

Активное действие Ушакова у анатолийских берегов, помимо военного ущерба, привело к полному прекращению подвоза снабжения в Константинополь. Легкие крейсерские суда ушаковской эскадры, рассредоточившись вдоль побережья, топили и захватывали застигнутые в море суда, шедшие в столицу с грузами продовольствия и снабжения. Обеспокоенное турецкое правительство спешно готовило флот к выходу, усиливая его новыми кораблями. Новому капудану-паше Гуссейну было приказано разбить русский флот и высадить десант в Крым. Порта рассчитывала на восстание татар и лелеяла мысль о захвате и уничтожении Севастополя.

Результатом всех этих приготовлений было появление в конце июня в крымских водах турецкого флота из десяти линейных [104] кораблей, шести фрегатов и трех с половиной десятков более мелких военных судов. Русская эскадра встретилась с неприятелем 8 июля 1790 г.

[4] Там же, стр. 307.

[5] Там же, стр. 288.

«против устья Еникальского пролива и реки Кубани», как обозначает Ушаков место разыгравшегося тут морского боя. Пять часов длился бой, кончившийся бегством неприятеля, которому, однако, удалось увести с собой свои поврежденные суда. У русских кораблей тоже были повреждения, но все они очень быстро были исправлены.

Победа в Еникальском проливе ликвидировала угрозу высадки турок в Крыму и нападения с моря и с суши на Севастополь.

Турецкий флот, отойдя к своим берегам, спешно приводил себя после боя в порядок. Не осмеливаясь вернуться в Константинополь без сообщения о том, что дерзкий «Ушак-паша» наказан за свои набеги на Синоп и Анапу, в то же время, не решаясь на новую встречу с русским флотом, Гуссейн решил занять выжидательное положение. Его наступательный порыв прошел, но тот факт, что в недавнем бою турецкий флот не был количественно ослаблен и продолжал значительно превосходить русский, подал мысль вновь попытать счастья.

Турки знали, что в Херсоне достраивается несколько кораблей, предназначенных для усиления севастопольской эскадры. В расчете перехватить эти корабли после их выхода из Лимана Гуссейн решил перейти в район Очакова и здесь у Хаджибея выждать их выхода. Возможно, были намерения уничтожить и гребной флот, базировавшийся на Лиман и имевший задание в ближайшее время перейти на Дунай для совместных действий с армией.

Во всяком случае, Гуссейн не уходил из Черного моря после первой, неудачной для него, но все-таки нерешающей, несмотря на серьезные потери в людях, боевой встречи с Ушаковым. Турецкий флот уже стоял близ Хаджибея, когда Ушаков 25 августа вышел искать его.

Сражение, разыгравшееся между Хаджибеем и Тендрой, не было непрерывным боем, продолжавшимся два дня, как об этом писали в Европе. Это был ряд столкновений, происходивших с промежутками 28 и 29 августа 1790 г. Турки были разбиты и, понеся тяжкие потери, обратились в беспорядочное бегство. У адмирала Ушакова в этих боях было десять линейных кораблей, шесть фрегатов, два бомбардирских судна, семнадцать легких судов (крейсерских). У турок – четырнадцать линейных кораблей, восемь фрегатов и двадцать три мелких судна. Флот у турок был больше и лучше русского, и то, что Ушаков говорит о турецких более мелких судах, что они были «хорошей постройки», можно было бы, судя по отзывам иностранных наблюдателей, применить и к большим турецким кораблям и [105] фрегатам. Но русских моряков у них не было, не было у них и Ушакова.

При первом же появлении русской эскадры на горизонте-турки стали спешно сниматься с якорей и в беспорядке вступать под паруса. Не перестраивая своей эскадры из походного порядка (она шла тремя колоннами) в боевой, Ушаков устремился на арьергард турецкого флота, стремясь отрезать его от главных сил.

Это заставило капудана-пашу, выстроив передние корабли в боевую линию, повернуть на обратный курс, чтобы прикрыть. отставшую часть своего флота. Сражение сделалось общим и продолжалось до темноты, причем к вечеру турецкая линия была сбита, и противник обратился в беспорядочное бегство. Особенно пострадали корабли турецких флагманов. С наступлением темноты погоня была прекращена, и Ушаков, ввиду признаков наступления штормовой погоды, приказал стать на ночь на якорь.

Как и в предыдущем сражении, тактика Ушакова сводилась к бою на самой ближней дистанции (чтобы иметь возможность ввести в дело всю артиллерию, до самого мелкого калибра) и нанесению сосредоточенного удара по турецким флагманам с целью лишить их возможности руководить боем. Для этого Ушаков выделял из нескольких быстроходных судов особый резерв, который в решительный момент по сигналу адмирала устремлялся или для поддержки той или иной части своего флота, или для усиления атаки на флагманов. С рассветом 29 августа турецкий флот оказался также стоящим на якоре в беспорядке вблизи русских кораблей, и Ушаков приказал возобновить. бой. Обрубая канаты, турецкие корабли в панике стремились оторваться от противника. Во время погони был застигнут, зажжен и вынужден к

сдаче адмиральский корабль «Капитания». Едва с него были сняты адмирал со штабом и часть матросов, как объятый пламенем корабль взлетел на воздух. В дальнейшем русские захватили еще один линейный корабль «Мелекибахри» и три мелких судна. Разбитый противник в беспорядке бежал в Константинополь, потеряв в пути потонувшими от боевых повреждений один линейный корабль и несколько мелких.

Победа была полная. Море было полностью очищено от противника.

Наградой за победу Ушакову была георгиевская звезда, то есть орден Георгия 2-й степени, который в свое время был дан С. К. Грейгу за уничтожение турецкого флота при Чесме.

В еще большей мере проявилось флотоводческое искусство Ушакова в сражении у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г.

Обнаружив стоящий у берега под прикрытием батарей [106] турецкий флот в составе восемнадцати линейных кораблей, семнадцати фрегатов и сорока трех мелких судов, Ушаков с целью выиграть ветер (он дул с берега) прошел с флотом между берегом и противником и обрушился на не ожидавших подобного маневра турок всеми силами.

Был праздник рамазана, и часть турецких экипажей беспечно веселилась на берегу. Атакованный противник, рубя канаты, в беспорядке и панике стремился вступить под паруса и выйти из-под удара в море.

Сталкиваясь друг с другом, ломая себе реи и бугшприты, турецкие корабли беспорядочно бежали в море. Все попытки капудана-паши построить флот в боевой порядок были безрезультатны. Подняв сигнал «нести все возможные паруса», Ушаков гнал турецкий флот, сосредоточив атаку на флагманских кораблях неприятеля. К темноте противник был совершенно разбит и думал только о спасении. Ночь прекратила преследование, и более легкие на ходу турецкие суда устремились к Босфору[6].

Некоторые корабли, с трудом добравшись до пролива, в полузатонувшем состоянии от пробоин, требовали для спасения помощи с берега и всем своим видом с полной очевидностью свидетельствовали о результатах новой встречи с флотом «Ушак-паши».

Турецкий флот, разбитый у Калиакрии, был последней ставкой оттоманского правительства на море. В его состав входили не только основные морские силы Турции, но и эскадры ее вассалов – алжирская и тунисская. Вторым после капудана-паши флагманом являлся алжирский паша Саид-Али, славившийся своим боевым опытом и храбростью. Он уже наперед похвалялся, что разгромит русский флот и привезет «Ушак-пашу» в Константинополь в железной клетке. Но действительность ниспровергла эти мечтания: Ушаков разгромил турок так страшно, что Саид-Али едва унес ноги, а боевая ценность турецкого флота со всеми входившими в его состав алжирскими и тунисскими эскадрами оказалась после встречи у Калиакрии равной нулю.

Стратегическое и политическое значение этой победы было огромно. Хотя к концу лета 1791 г. уже выяснилось, что бряцавшая оружием Англия не выступит против России, и поражение Вильяма Питта Младшего в парламенте по вопросу о войне с нею было уже совершившимся фактом, но эта победа Ушакова делала всякие разговоры об английском выступлении совершенно праздными.

Турецкое правительство, уже перед тем начавшее переговоры о перемирии, но тянувшее их в расчете на английскую помощь, теперь спешно послало курьера в ставку визиря с приказом [107] султана немедленно заключить перемирие; второй курьер вручил Потемкину просьбу о прекращении военных действий на море. Население Константинополя было в пани-

[6] Мы не останавливаемся на анализе тактических приемов Ушакова в этом сражении и отдельных фазах сражения. Интересующимся рекомендуем статью вице-адмирала Ю. Ф. Ралля. Наступательная тактика адмирала Ф. Ф. Ушакова. – Морской сборник, 1945, № 7.

ческом настроении, и султанское правительство ждало прямого нападения Ушакова на Босфор и столицу.

Потемкин был в восторге. «Одержанная победа, – писал он Ушакову, – служит к особливой славе вашей», а Екатерина II, посылая контр-адмиралу орден Александра Невского вместе с благодарностью Черноморскому флоту за его боевые подвиги, указывала в грамоте, что эта «знаменитая победа… служит новым доказательством особливого мужества и искусства вашего»[7].

Таким образом, победа у Калиакрии окончательно сломила волю Порты к затягиванию войны. Были возобновлены прерванные было переговоры, длительные, но уже более не прерывавшиеся. Война фактически закончилась. Оправиться от Измаила и Калиакрии турки не могли.

После заключения в декабре 1791 г. Ясского мира Ушаков продолжал командовать корабельным Черноморским флотом и состоять главным начальником Севастопольского порта. Но еще до заключения мира, в октябре 1791 г., его постигла беда: скончался Потемкин, высокоодаренный человек, умевший понимать и ценить чужой талант. Он неизменно поддерживал Ушакова во всех его начинаниях, давал простор его инициативе. Порывы, капризы и некоторая взбалмошность князя Григория Александровича не вредили и не подрывали ряда полезных для флота дел, задуманных и осуществлявшихся неутомимым адмиралом.

Потемкин видел стремления недоброжелателей Ушакова унизить и очернить достоинства его как боевого руководителя. Это особенно ярко проявлялось у старших морских начальников, какими были Мордвинов и Войнович, которые, видя в Ушакове опасного соперника, не могли простить Ушакову ни расположения к нему Потемкина, ни его военных дарований, ни вводимых им новшеств в деле боевой подготовки флота и в тактике, ни, наконец, его боевых успехов. Примеру старших подражали и некоторые более молодые, даже из числа непосредственно подчиненных Ушакову офицеров, и это временами создавало для него весьма тягостную обстановку.

Не раз приходилось Ушакову обращаться за помощью к Потемкину, который немедленно шел навстречу. «Из письма вашего, – писал по одному из таких случаев Потемкин, – примечаю я вашу заботу в рассуждении недоброхотов ваших. Вы беспокоитесь о сем напрасно… Никто у меня, конечно, ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии, и приобретение всякого от меня добра и уважения зависит единственно от [108] прямых заслуг. Служите с усердием и ревностью и будьте в прочем спокойны»[8].

Но со смертью Потемкина обстановка резко изменилась. Удаленные Потемкиным от управления и боевого руководства флотом, Мордвинов, Войнович[9] и их сторонники снова принялись за сведение счетов. К тому же убранный из Черного моря Мордвинов, теперь произведенный в вице-адмиралы, в качестве ставленника Платона Зубова снова вернулся на пост главного начальника Черноморского флота.

Человек поверхностного ума, бездеятельный и формалист, Мордвинов, обладая фактическим всевластием по должности первого члена Черноморского адмиралтейского правления, причинил немало вреда флоту в первые годы войны до своего вынужденного ухода. Потемкин скоро расценил Мордвинова как законченного бюрократа и высказывал ему это. Вот что писал он в октябре 1788 г., выведенный из терпения бюрократизмом Мордвинова: «Я вам откровенно скажу, что во всех деяниях правления больше формы, нежели дела… Есть два образа производить дела: один, где все возможное обращается в пользу и придумываются разные способы

[7] Грамота Екатерины II Ушакову от 14 октября 1791 г. – Материалы для истории русского флота, ч. XV, стр. 580.

[8] Там же, стр. 576.

[9] Мордвинов был уволен Потемкиным в декабре 1788 г., а Войнович – в марте 1790 г.

к поправлению недостатков… другой, где метода (т. е. шаблонная, бюрократическая форма – *Е.Т.*) наблюдается больше пользы – она везде бременит и усердию ставит препоны».

Было у Потемкина столкновение с Мордвиновым и из-за Ушакова, который был вызван князем в Херсон для деловых переговоров, но ввиду того, что свидание задержалось, был отправлен Мордвиновым обратно в Севастополь. По-видимому. Потемкин намечал назначить Ушакова руководить боевыми действиями флота в Лимане, чего Мордвинов не желал. За самовольную отправку Ушакова в Севастополь Мордвинов получил от Потемкина строгий выговор и, конечно, помнил это.

Став снова непосредственным начальником Ушакова, Мордвинов, явно завидовавший громкой его славе, мелочными придирками теснил Федора Федоровича, раздражая его и по мере-сил мешая ему. Мордвинов подчеркнуто не признавал ни его боевого опыта, ни служебного и морского авторитета. И хотя в сентябре 1793 г. Ушаков, наконец, «по линии» был произведен в вице-адмиралы, Мордвинов не упускал случая для сведения старых счетов.

Император Павел I.

Особенно обострилась ссора именно в 1798 г., за несколько месяцев до того, как началась Средиземноморская экспедиция Ушакова. Мордвинов посылал Ушакову приказы о вооружении двенадцати кораблей, а Федор Федорович не мог уловить в путаных бумагах начальства точный смысл: «Я все предписания вашего высокопревосходительства желательно и усердно стараюсь выполнять и во всей точности, разве что определено [109] нерешительно или в неполном и двойном смысле, чего собою без спросу вновь исполнить невозможно или сумневаюсь», – ядовито писал Ушаков Н. С. Мордвинову 22 марта 1798 г.[10]

[10] ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6925, л. 96, Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Н. С. Мордвинову,

Отношения между ними еще более ухудшились, когда во время «пробы» двух вновь выстроенных на херсонских верфях кораблей (в мае 1798 г.) Мордвинов нашел, что эти суда, строившиеся под его личным наблюдением, вполне мореходны, остойчивы и пр., а Ушаков публично, в присутствии многих капитанов, находившихся в Севастополе, высказался, что испытания эти проведены искусственно, нарочно организованы при тихой погоде и корабли не имели должной нагрузки, – словом, что эта «проба» фальшива и поэтому никуда не годится. Раздраженный Мордвинов грубо оскорбил Ушакова. Вне себя от. гнева, Ушаков тотчас вслед за этой сценой обратился с письменным протестом не только к самому Мордвинову, но и непосредственно к императору Павлу. Он описал императору, что предпочитает смерть, если не обратят внимание на его жалобу. Он просил разрешения прибыть лично в Петербург, чтобы обстоятельно рассказать царю о сомнительной проделке Мордвинова с «пробой» этих кораблей. Павел велел Адмиралтейств-коллегии рассмотреть жалобу и доложить ему.

Жалоба Ушакова написана была в самых сильных выражениях. Адмирал жаловался на злобные и оскорбительные придирки Мордвинова и приписывал «тяжкий гнев главнокомандующего» именно отрицательной экспертизе Федора Федоровича относительно осмотренных судов: «…при самом отправлении моем со флотом на море вместо благословения и доброго желания претерпел я бесподобную жестокость и напрасные наичувствительнейшие нарекания и несправедливость, каковую беспрерывно замечаю в единственное меня утеснение. При таковой крайности не слезы, но кровь из глаз моих стремится. Смерть предпочитаю я легчайшею несоответственному поведению и служению моему бесчестью»[11].

Но за результат жалобы Ушакова Мордвинов мог быть спокоен. В глазах Павла I Ушаков являлся креатурой ненавистного ему Потемкина, Мордвинов же был лицом, в свое время пострадавшим от своевластного «фаворита» Екатерины. Можно было ожидать, что Адмиралтейств-коллегия учтет это и не встанет на защиту Ушакова. Так оно и случилось. Коллегия нашла, что имеющихся в ее распоряжении материалов для вынесения решения недостаточно, затребовала от обеих сторон дополнительные объяснения… Словом, началась обычная канцелярская волокита. Но все же было признано, что Ушаков был прав, указывая на неясность приказов Мордвинова.

У нас есть еще ряд документов, относящихся к этой жесточайшей ссоре двух адмиралов: а) донесение вице-адмирала [110] Г. Г. Кушелева в Адмиралтейств-коллегию о повелении императора дать единое заключение о годности кораблей 19 июня 1798 г.; б) от того же числа всеподданнейший доклад конторы Черноморских флотов Адмиралтейств-коллегий; в) всеподданнейший доклад конторы главного правления Черноморских флотов о самовольных действиях Ф. Ф. Ушакова 21 июня 1798 г.; г) выписка из протокола Адмиралтейств-коллегии о взаимоотношениях между вице-адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и адмиралом Н. С. Мордвиновым 15 июля 1798 г.; д) рапорт Ушакова Адмиралтейств-коллегии 5 августа 1798 г.; е) «Из журналов Адмиралтейств-коллегии о жалобе Ф. Ф. Ушакова на Н. С. Мордвинова», 25 августа 1798 г.[12]

Эта документация не относится непосредственно к точной теме настоящей работы, но она интересна для характеристики прямой, честной натуры Ушакова, его принципиальной стойкой готовности бороться против интриг и клеветы злобных, завистливых и могущественных врагов. Интересны эти документы для изучающих Черноморский флот как характеристика порядков в морском ведомстве в частности.

---

22 марта 1798 г.

[11] Там же, д. 6, л. 33–35. Протокольная запись. Всеподданнейшее прошение вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова императору Павлу I, 5мая 1798 г.

[12] Документы «а», «б» и «в» напечатаны во II томе Архива графов Мордвиновых. СПб., 1901, стр. 352–353 и 353–355. Документ «г» (рукопись) находится в ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. № 964/2, л. 137–139 (копия). Документ «д» (рукопись) находится в ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, л. 67–69 (копия). Документ «е» напечатан в Материалах для истории русского флота, ч. XVI, стр. 324–326.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.